

НАША СТРАНА

Год издания 75-й. Буэнос Айрес, 4 марта 2023

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 4 de marzo de 2023

No 3193

ПУТИНА ВСКАРМЛИВАЛИ ЗАПАДНЫЕ ДЕМОКРАТИИ

Кто станет обвинять волка в том, что он хищник? Такова его природа: наступать слабым, таскать из овчарен ягнят, кормить ими своё семейство. Для защиты от волков есть сторожа, чья обязанность – отстреливать непрошенных визитёров. Совсем избавиться от волков нельзя, да, может быть, и не стоит, но держать их на приличном расстоянии необходимо.

В чём смысл сегодняшних обвинений Владимира Путина? Такова его природа. Кто-то ожидал от кадрового офицера КГБ чего-то другого? Шквал нынешних обвинений Путина изобличает растерянность и недалёковидность его нынешних критиков. Вы просчитались и теперь в шоке? Да разве сразу не было понятно, что от чекистов нельзя ждать ничего хорошего?

В похожей ситуации, после советской интервенции в Афганистане, Владимир Буковский высказался остроумно и точно: «Советское вторжение в Афганистан в декабре 1979 года вызвало настоящий шок в мире, что, помню, удивило меня до крайности: как будто и не было до того советской экспансии буквально во всех уголках земного шара. В этом изумлении, негодовании, недоумении было что-то подло-притворное, нечто сродни возмущению человека, женившегося на проститутке и обнаружившего, что – ах! – она не девственница».

Так же и с Путиным – что за странное удивление? Будто рассчитывали, что вождь будет хорошим, а он оказался плохим. Будто не было до того многолетнего подавления гражданских свобод, которое сейчас просто-напросто перелилось через границы России.

Так теперь вместо убийственного самоанализа – яростные обвинения не только Путина, не только совковой власти, но вообще всех русских, российской истории, культуры, языка. Обвинения сверх меры, с перехлёстом, чтобы никто не вспоминал, как катастрофически заблуждались все на Западе в отношении власти РФ, пропуская мимо ушей здравые голоса критиков путинского режима в России.

Двадцать лет на Западе задабривали Путина, дружили с ним, заглядывали ему в глаза и звали в партнёры, а теперь удивляетесь последствиям?

А за двадцать лет бесконтрольной власти чекист потерял адекватное восприятие действительности.

Чему Запад в значительной мере и способствовал, признавая легитимной узурпированную им власть над страной.

Оглянемся кругом: такие же неуправляемые диктаторы сидят в Северной Корее, Иране, Беларуси, Туркмении, Китае, Венесуэле, Никарагуе, на Кубе. Западные лидеры с ними встречаются на саммитах, подписывают торговые соглашения и признают их право представлять в ООН от имени стран, которые они поработили. Точно так же

последние двадцать лет Запад вёл себя и с Путиным. Запад мог быть стражем правового порядка, но предпочёл не замечать волчьих повадки своего партнера.

Но не только Запад виноват. Прежде всего конечно виноват электорат РФ, который по лениности ли своей, благодущию или недалёковидности доверился политическим проходивцам, отдал им на откуп будущее России, а когда грянул гром войны и репрессий, было уже поздно: режим крепко-накрепко зацементирован.

Проходивцы, представлявшие политическую элиту, успешно встраивались во власть: одни в качестве преданных слуг, другие в виде договороспособной оппозиции. Время от времени они переходили из одной ипостаси в другую. Все играли по одним правилам. Ничтожно мало было тех, кто под оппозицией понимал противостояние с властью, а не сотрудничество с ней.

О карманной думской «оппозиции» и говорить нечего, но даже «несистемная» оппозиция отказывалась выходить за рамки системы, которая день ото дня становилась всё жёстче и всё бесчеловечнее. Ссылаясь на свою законопослушность, лидеры оппозиции принимали навязанные им властью правила игры даже тогда, когда они были противоправны. Запрашивали согласования на проведение уличных акций, участвовали в проводимых с нарушением закона выборах, сидели в законодательных органах, сформированных с нарушением правовой процедуры.

Оппозиционные лидеры с готовностью шли на встречи с Путиным, которого сами же считали нелегитимно избранным. Политический класс в России был принципиально несамостоятельным и, может быть, нехотя, но становился частью выстроенной Кремлем диктаторской системы.

Похожим образом вела себя и большая часть правозащитного движения. С приходом во власть Путина правозащитный пафос постепенно угасал, а на смену ему приходила более простая и менее опасная деятельность в защиту интересов обездоленных социальных групп, юридическая и гуманитарная поддержка, просветительство и забота об исторической памяти. Отстаивание прав человека привело бы к конфронтации с властью, а правозащитники этого не хотели, они получали гранты из президентского фонда, входили в общественные советы при самых лютых министерствах, лебезили перед высокими начальниками.

На упреки в сервильности правозащитники оправдывались теорией малых дел. С нескрываемым раздражением и инфантильным задором они говорили, что готовы побрататься хоть с чёртом, если этим смогут помочь хотя бы одному человеку. Они по-

настоящему одному человеку и помогли! Путина вполне устраивало лицемерное сотрудничество с правозащитниками, потому что частные интересы отдельных людей для него всегда мало что значили, а создавать образ занятого, но терпимого, справедливого и демократически настроенного президента правозащитники ему помогали. Западные политики тем временем оценивающие смотрели на такое содружество и думали, что не всё так плохо в России, если столь именитые правозащитники из Московской Хельсинкской группы, «Мемориала» и других правозащитных организаций обсуждают за круглым столом с Путиным острые проблемы российской жизни. Именно такая картинка была нужна тогда Путину, и он её получил.

Свои пять копеек в укрепление диктатуры вносили журналисты и деятели культуры. Большая часть средств массовой информации перешла под полный кремлёвский контроль, самые лояльные из них кормились из государственного бюджета. Немногие фрондирующие средства массовой информации держались в установленных рамках, подчинялись требованиям цензуры и получали частное финансирование с благословения Кремля. Многие деятели культуры, пользующиеся международной известностью и уважением, принимали из рук Путина государственные награды или участвовали в его «избирательных» кампаниях.

И опять западные политики смотрели на них и думали, что если уж такие любимцы либеральной публики, как Владимир Войнович и Михаил Жванецкий, получают награды из рук Путина, то ничего страшного в России не происходит. Значит, с этим режимом можно иметь дело, идти на компромиссы, можно дружить, торговать и не думать о последствиях.

Двадцать лет бесконечных компромиссов окончились закономерным крахом. Сейчас, когда война в Европе уже расставила все точки над *i*, было бы полезно задуматься, правильной ли была политика Запада в отношении РФ? Западные лидеры в самом деле были настолько наивны, что поверили кремлёвским пиар-акциям с привлечением оппозиции, правозащитников и деятелей культуры? Или только сделали вид, чтобы безмятежно продолжать небезвыгодные для своих стран отношения с диктатурой? Ведь нельзя было не понимать, что экспорт российского газа, нефти и других природных ресурсов позволяет Кремлю наращивать вооружения и готовиться к очередной войне.

Запад должен взять и на себя часть ответственности за укрепление в России диктаторского режима. Конечно, теперь проще предать анафеме всё, что хоть как-то связано с Россией, не разбираясь в деталях и сметая всех одной метлой.

Не оттого ли это и происходит, что многим на Западе хотелось бы забыть, как они вскармливали Путина и нынешний режим Российской Федерации? И чтобы никто об этом не вспоминал. Зато посмотрите, какие мы теперь резкие!

Вина Запада в многолетней поддержке Путина, конечно, не снимает с нас нашей российской вины. Ответственность у каждого своя. Но Запад располагал гораздо большими возможностями повлиять на политику Путина, чем российская оппозиция. Даже если бы она не была такой сервильной и пугливой.

Инструменты влияния Запада по своей эффективности были тогда несравнимы с возможностями внутри страны. Вся мощь диктаторского режима строилась на выгоде от экспорта углеводородов. Эти деньги шли на армию под красным флагом. Эти деньги шли на полицию и спецслужбы. Эти деньги давал Путину Запад.

Так получилось, что Россия осталась без сторожей. Никто не захотел оберегать дом от хищника. Ни само население, ни сильные соседи, которым ничего не стоило отвадить волка от овчарни. Вместо этого они его подкармливали и поддерживали в хорошей спортивной форме.

Теперь платить за это будут все. Некоторые уже начали.

Н. Греков

ВЕЛИКИЙ ЗАРУБЕЖНИК

Вечная память дорогому Петру Николаевичу Колтыпину, великому представителю Русской Белой Эмиграции, скончавшемуся 5-го февраля 2023 года в США!

Лебединой песней этого неутомимого русского патриота было издание великолепной, художественной книги по случаю 400-летия начала Романовской Династии.

Множество усилий вложил он в издание этой книги, которой хотел он убедить западную общественность сколько неопределённой помощи Россия в течении веков безвозмездно приносила Западу. Посмеём добавить — не всегда благодарному Западу...

Самое сердечное соболезнование дорогой Анне Васильевне, удивительному полиглоту и педагогу, детям покойного и особенно Наталии.

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

ПАМЯТИ ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА КОЛТЫПИНА

ВЕРНЫЙ СЫН РПЦЗ

В США на 90-м году жизни отошёл ко Господу верный сын Исторической России и Русской Православной Церкви Заграницей Пётр Николаевич Колтыпин.

Вечная ему память!

Родился 27 сентября 1933 года в городе Панчево (Югославия) в семье потомственных дворян: ветерана Гражданской войны Н.Е. Колтыпина-Валловского и Ларисы Васильевны урождённой Пашенко-Синицкой. В 1944-ом году переехал с семьёй из Белграда в Вену, а после окончания Второй Мировой войны — в Мюнхен.

С 1951 года проживал в США. Работал у Игоря Сикорского в AVSCO-Lycoming, исполнявшую военные заказы — ракетные головки для снарядов ICBM. Получив допуск к секретной работе, назначен в космический электронный отдел по строительству и проверке качества работы контрольного центра ракет и взрывных устройств. На этой службе проработал 35 лет до ухода на пенсию в возрасте 62 лет.

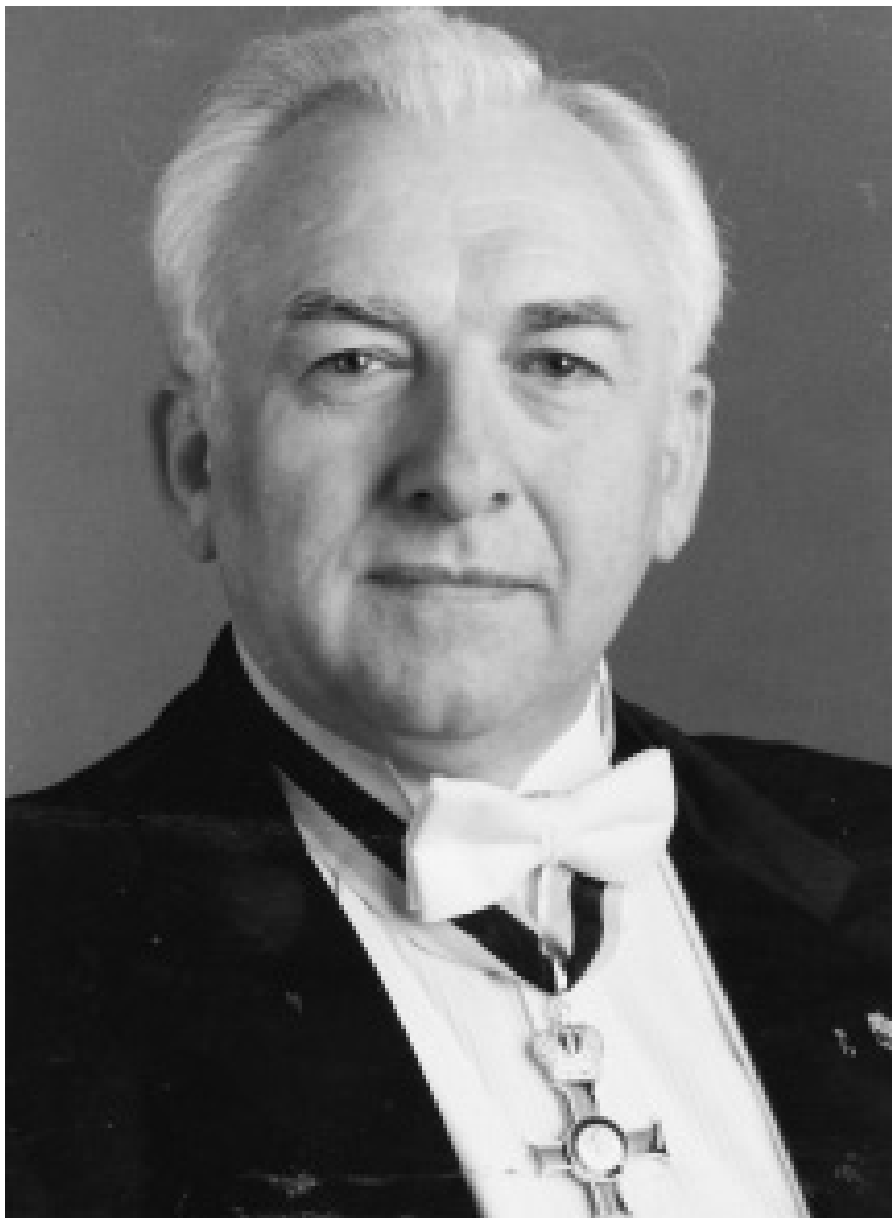
Свою деятельность на благо русского дела начал с 14-летнего возраста, вступив в скаутскую организацию ОРЮР, участвовал во всемирном антикоммунистическом скаутском слёте под названием «Нации из-за Железного Занавеса».

В 1952 вступил в Российский Имперский Союз-Орден, в котором последовательно назначался на руководящие должности, вплоть до должности главы, которую занимал с середины 1970-х до середины 1990-х. Участвовал в созыве Общероссийского Монархического Фронта. Занимался издательством многотысячными тиражами и распространением монархической литературы и литературы, разоблачающей коммунизм.

Устраивал и участвовал в антикоммунистических демонстрациях, вплоть до ООН, произнёс речь у Статуи Свободы, помещённую в «Congressional Records». Баллотировался в Конгресс США от штата Коннектикут.

Организовывал сбор средств в защиту британского историка Н. Д. Толстого-Милославского в его судебной тяжбе с английскими офицерами, проводившими насильственную выдачу казаков на расправу в СССР. Организовывал защиту во время суда над публицистом В. Д. Самариним.

Был издателем, а в некоторых случаях редактором изданий: сборника «Имперский Стяг», «30 лет Российскому Имперскому Союзу-Ордену», журнала «Наш Путь» и др. Организовал более 20 выступлений русских антикоммунистов в американской

прессе, в русской прессе в США и в России, по телевидению в США и в Москве. Основатель Объединения «За Свободу России», «Фонда Царя-Мученика» и Российской Зарубежной Экспертной Комиссии, не признавшей подлинными останки, выдаваемые за таковые убиенной Императорской Семьи. Участник «Гарнизона Армии и Флота 297» и ОРЮР. Участник III (1974), IV (2006) и V (2007) Всезарубежных Соборов. Активный противник объединения РПЦЗ с Московским Патриархатом. Оставался до конца дней верен РПЦЗ под омофором митрополита Агафангела.

Распространял литературу РПЦЗ, в том числе, осуждающую унию с Московской Патриархией.

Семья: жена Анна Васильевна, урождённая Потёмкина, преподавательница немецкого, французского, испанского, и латинского языков, регент церковного хора; сыновья: Владимир — микробиолог, Георгий — офицер армии США, танкист; дочери: Тамара — магистр деловых отношений, Наталья — специалист по страховому делу.

Митрополит Агафангел

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

В ноябре 1967 года — я только что в сентябре начал редактировать «Нашу Страну» по приглашению издательницы Татьяны Владимировны Дубровской — проверяя поступающую эмигрантскую прессу и листая нью-йоркский монархический журнал «Знамя России», меня просто ошпарила одна помещённая в нём фотография.

Во время заседания Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций два молодых человека развернули огромный плакат с надписью на английском языке «Свободу России!» Этот образ облетел весь мир в день 50-летия Октября. Дерзкую выходку провели руководители Российского Имперского Союза-Ордена Пётр Николаевич Колтыпин и Георгий Александрович Фёдоров, при помощи Марины Евдоченко, которая инсценировала припадок, отвлекший внимание полицейских.

С тех пор я постоянно поддерживал контакт с первым из них и всегда помещал в «Нашей Стране» информацию о неустанно проводимых им акциях. Особенно запомнилась одна из них: Пётр Николаевич добился опубликования монархического материала в одной из самых влиятельных газетах мира — нью-йоркском «Уолл Стрит Джорнале». Посвящённая этому событию статья в «Нашей Стране» называлась «Десант имперцев на Уолл-Стрите».

С Петей мы нередко делились мыслями о том, какими действиями можно было приблизить освобождение России от коммунизма.

Наши отцы служили офицерами

Русского Корпуса на Балканах и мы грезили продолжить их вооружённую борьбу.

Я в частности считал, что поворотным моментом могло стать покушение на мумию основателя советского государства. Взорвать мавзолей Ленина было нашей мечтой и Петя предлагал различные формы её возможного осуществления. Это была бы «Операция Перун». Увы, «суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано...».

Будучи начальником Российского Имперского Союза-Ордена, Колтыпин по совести, долго и верно, служил делу князя Владимира Кирилловича.

Однако его постигло страшное разочарование: сын великого князя Кирилла Владимировича, прицепившего себе на грудь красный бант в дни Февральского переворота, также оказался предателем. Он перекинулся в руководимую чекистами Московскую Патриархию. Яблоко от яблони далеко не падает.

Тогда Петя вышел из этой организации, однако ни на йоту не ослабил свою напряжённую работу на пользу Исторической России и делу восстановления в ней православной монархии.

Обескуражению духа он никогда не поддавался. Как и не приуныл, например, когда баллотировавшись в конгрессмены от штата Коннектикут, получил всего лишь четыре тысячи голосов.

Преклоняясь перед энергичным общественным деятелем, я также восхищался человеком: его добротой, щедростью и чувством солидарности. Узнав о том, что я в Аргентине остался без работы благодаря проидам моих местных левых недругов, он связал меня с литературоведом Людмилой Александровной Фостер, а та — с руководителями ново открывшейся испаноязычной радиостанции Радио Марти, корреспондентом которой в Буэнос Айресе я благополучно проработал целых шесть лет.

Правда, после захвата Русской Православной Церкви Заграницей Путиным и его карманной Московской Патриархией, у меня произошла с Петей размолвка. Он попал под влияние пресловутого Евгения Магеровского, ярого противника объединения «осколков» Зарубежной Церкви, то есть стоящего на самоубийственной — или того хуже — позиции.

Разумеется, сия размолвка не могла перечёркнуть в моих глазах весь его доблестный жизненный путь. Я продолжал считать то, что написал в передовице «НС» № 2748 к его 70-летию («Монархист со стилем»): «Только такие люди как Колтыпин, не боящиеся ответственности и риска, могут помешать сегодняшним пораженцам отдать на заклятие всю зарубежную паству, смогут раскатать лодку сопротивления посреди болота эмигрантского застоя».

Его дочь Тамарамне сообщила, что человек произнесший надгробное слово на похоронах Пети, просил не разглашать его имени. Петя не заслужил такого проявления трусости... Посильно возмещаю её моим заочным, но никак не анонимным, надгробным словом.

Николай Казанцев

Волею Божией 5 февраля 2023 года в Стратфорде, США, на 90-м году жизни, скончался церковно-общественный деятель, верный сын Исторической России

ПЁТР НИКОЛАЕВИЧ КОЛТЫПИН

о чём с прискорбием извещает Редакция "Нашей Страны" и выражает своё глубокое соболезнование вдове Анне Васильевне и детям усопшего. Вечная память и вечный покой!

Кто и как на самом деле устроил Февральскую революцию

2.

ЗАХВАТИТЬ ПОЕЗД, ВЫНУДИТЬ ОТРЕЧЕНИЕ

В сентябре 1916 года, с одобрения лидеров думской оппозиции, Гучков приступил к технической подготовке государственного переворота, имевшего официальной целью заменить Царя Николая II на Наследника-Цесаревича Алексея Николаевича, а регентом сделать его дядю, Великого Князя Михаила Александровича. Гучков образовал и возглавил пятерку, в которую кроме него вошли его ближайшие сотрудники по Центральному Военно-Промышленному Комитету (ЦВПК) — товарищ (заместитель) председателя Думы Николай Некрасов, Терещенко, а также менее известные деятели — князь Дмитрий Вяземский и Дмитрий Косиковский, поддерживавшие связи с военными кругами.

О создании этой пятерки рассказывали потом и сам Гучков, и Терещенко. Так, последний в мае 1917 г. вспоминал: «Нас было всего пять человек. Мы решили вопрос о непосредственном перевороте и обсуждали конкретные меры для осуществления поставленной себе задачи. Так как государь уехал в Ставку, немедленно принять эти меры нельзя было. Поэтому мы наметили сроком переворота первые числа марта». План, рассказывал в августе 1917 года Гучков, заключался в том, чтобы «захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, одновременно при посредстве воинских частей арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство».

В конце 1916 г. руководители ЦВПК открыто взяли курс на революцию. На проходившем 12–15 декабря 1916 года под председательством Коновалова совещании представителей областных военно-промышленных комитетов очередной задачей комитетов, по предложению Рабочей Группы ЦВПК, была объявлена «не борьба с отдельными проявлениями режима, а бесповоротное устранение его и полная демократизация страны» и создание «Временного Правительства, опирающегося на организующийся, самостоятельный и свободный народ». Бюро ЦВПК поддержало эту резолюцию.

В связи с тем, что вдохновляемая гучковцами деятельность Рабочей Группы ЦВПК приобрела открыто революционный характер, министр Внутренних Дел Протопопов (в недавнем прошлом — сам член ЦВПК и друг Гучкова), предпринял отчаянную попытку остановить Россию на краю пропасти: в ночь с 26 на 27 января 1917 года почти вся Рабочая Группа была арестована. Однако Гучков и Коновалов уговорили правительство оставить руководителя группы Гвоздева под домашним арестом, и он, — отмечал бундовец Моисей Рафес, — по-прежнему имел «полную возможность поддерживать связи с рабочими организациями и деятелями».

«Рабочая группа, — писал Новорусский, — была вырвана из жизни 27 января. Но дело, которое она вела по подготовке революции при участии многих заводских представителей, продолжалось. Мне сдаётся, что эти представители, яв-

ляясь десятками в Рабочую Группу, постепенно формировали зародыш «Совета Рабочих Депутатов», который тотчас вылутился из яйца, как только приспело к тому время».

«Если мы возьмём и рассмотрим все те события, которые произошли, — подразумевая Февральскую революцию, свидетельствовал Переверзев, — мы должны сказать, что первый толчок тому движению, которое развилось в Петрограде, которое в конце концов смело династии Романовых, — первый толчок этому движению дал ЦВПК в лице его Рабочей Группы. Датой начала движения нужно считать арест Рабочей Группы ЦВПК. Вспомните то возбуждение, которое тогда охватило все центральные организации, вспомните те совещания, которые устраивал Гучков с представителями лидеров думских партий, с представителями всех центральных организаций, с представителями Государственного Совета; вспомните, что на этих собраниях впервые эти представители заявили, что наступило время активной борьбы с правительством, вспомните возбуждение, которое охватило тогда рабочие массы, вспомните те запросы, которые по этому поводу были внесены почти накануне великих событий. Вы тогда увидите причинную связь между той великой революцией, которая совершилась у нас, равной которой нет в мире, и между мелкой и крупной работой ЦВПК».

Таким образом, Переверзев напрямую связывал деятельность ЦВПК и его председателя с подготовкой Февральской революции.

Арест Рабочей Группы заставил Гучкова и его соратников ускориться. 9 февраля 1917 года в кабинете председателя IV Государственной Думы Родзянко прошло совещание лидеров оппозиции и руководителей ЦВПК. «Самым неумолимым и резким» по отношению к Царю Николаю II был Терещенко, — вспоминал Родзянко. По сведениям социал-демократа Николая Соколова, участники совещания решили, что переворот «откладывать дальше нельзя», а потому, когда Царь будет возвращаться из Ставки, его «в районе армии Рузского задержат и заставят отречься».

Так и вышло: 2 марта 1917 г. именно во Пскове, где находился Штаб Главнокомандующего Северным Фронтом генерал-адъютанта Николая Рузского, Гучков принял царское отречение.

Двадцать второго февраля 1917 года (по старому стилю) Царь и Верховный Главнокомандующий Николай II по вызову своего начальника штаба Михаила Алексеева выехал из Царского Села в Могилёв, в Ставку. И сразу, как по мановению волшебной палочки, 23 февраля в Петрограде начались беспорядки — забастовки и демонстрации рабочих.

Директива о начале волнений исходила от руководителей Центрального Военно-Промышленного Комитета (ЦВПК), чего не скрывали они сами. Так, 23 февраля заместитель председателя ЦВПК Гучкова (и будущий министр Временного Правительства) Михаил Терещенко заявил промышленнику Владимиру Литвинову-Фалинскому: «Мы дадим приказ рабочим выходить на улицы». Согласно признаниям заместителя председателя Думы Николая Некрасова и того же Терещенко, революцией руководила «небольшая кучка людей» в

пять человек. 25 февраля 1917 года агент по партии эсеров «Кочегар» сообщил Департаменту Полиции, что «можно отметить руководящий центр, откуда получают директивы», причем «центральный руководящий орган носит, видимо, внепартийный характер».

Организуя забастовки и демонстрации, гучковцы использовали Рабочую Группу ЦВПК и её низовые структуры на фабриках и заводах Петрограда — комиссии содействия Рабочей Группе, а также связанные с ней кооперативы. Секретарь общего собрания ЦВПК народовец Михаил Новорусский вспоминал, что «в первые дни революции, при установлении Временного Правительства и при свержении самодержавия, Рабочей Группе принадлежало одно из самых видных мест».

ПРОМЫШЛЕННИКИ САМОУБИЙЦЫ

Революции помогали и промышленники. В день отъезда Царя Николая II, 22 февраля, связанный с Гучковым начальник Путиловского завода генерал Алексей Маниковский произвёл локаут, приведший к началу всеобщей забастовки. Развитию забастовки содействовали руководители заводов, закрывавшие предприятия под предлогом недостатка топлива и сырья. Бастующие рабочие встречали сочувствие со стороны заводской администрации и, по сведениям британского посла Джорджа Уильяма Бьюкена, «получили вознаграждение».

По свидетельству большевика Тараса Кондратьева, в феврале 1917 года директора фабрик и заводов, разделявшие оппозиционные взгляды, сами организовывали забастовки, закрывая свои предприятия, и рабочим «волей-неволей приходилось бастовать».

Начальник Петроградского охранного отделения генерал Константин Глобачёв, объясняя причины Февральской революции, вспоминал, что «через ЦВПК в рабочие массы были брошены политические лозунги» и пущены слухи «о надвигающемся якобы голоде и отсутствии хлеба в столице», которые не соответствовали действительности и являлись «провокационными — с целью вызвать крупные волнения и беспорядки».

По сведениям князя Алексея Оболенского, беспорядки, происходившие 23–26 февраля, были организованы заговорщиками, чтобы «показать» Царю Николаю II «безвыходность положения и тем принудить его к отречению».

23–26 февраля 1917 года в Петрограде толпы народа ходили между Знаменской и Казанской площадями. Лозунги демонстраций были мирными: «Хлеба!» — хотя его-то как раз в столице было в достатке.

Лидер большевиков Александр Шляпников, подразумевая ситуацию с продовольствием в Петрограде в феврале 1917 года, откровенно признавал: «Требования об урегулировании продовольственного дела были, но не носили основного характера. Для многих заводов продовольственный кризис вовсе не существовал, так как администрация предприятий производила для рабочих специальные заготовки продуктов». Так что лозунг «Хлеба!» имел исключительно политический, точнее — демагогический характер.

Пятерка Гучкова стояла и у истоков военного восстания, ко-

торое вспыхнуло в Петрограде 27 февраля и обеспечило победу Февральской революции сначала в столице, а затем — и во всей стране.

«Я предполагаю, — писал меньшевик Николай Иорданский, — что **восстание 27 февраля в его первой стадии получило направление от неисследованной до сих пор военной организации, связанной с заговором кружка либеральных генералов и антидинастической группы военно-промышленного комитета, но совершенно независимой от исторических революционных партий и их слабых тогда петербургских представителей**».

«Во главе заговора, — подчёркивал Иорданский, — стояли представители военно-промышленного комитета — Гучков, его заместитель по Центральному Военно-Промышленному Комитету Коновалов и другие, и молодые военные - генералы вроде Крымова, Деникина и другие. К руководящим кругам примыкали и верхи думского Прогрессивного Блока».

Иорданский полагал, что «плановое развитие восстания в день 27 февраля логично подтверждает существование такой организации. Она, вероятно, была недостаточно оформлена, не закончена, не подготовлена к повстанческой борьбе, связана только с одиночками и мелкими солдатскими кружками», однако «общая наметка первоначальных операций, несомненно, могла быть известна и той небольшой части солдат, которая уже находилась в сношениях с заговорщиками и которая имела возможность тайно получить указания от руководящей группы, из осторожности державшейся в тени».

Узнав о том, что беспорядки в Петрограде приобретают серьёзный характер, Царь Николай II покинул Могилёв ранним утром 28 февраля.

Но до Петрограда Царь, как известно, не доехал. Потому что в министерстве Путей Сообщения его передвижения контролировал член бюро ЦВПК Александр Бубликов. Он «с особенной внимательностью» следил за перемещениями Царя и посланного на усмирение Петрограда батальона Георгиевских кавалеров во главе с генералом Николаем Ивановым и принимал меры «по задержанию таких поездов в подходящих для этого местах».

Первого марта 1917 года поезд монарха направили во Псков, где находился штаб главнокомандующего Северным Фронтом генерал-адъютанта Николая Рузского. Гучков заявил Временному Комитету, что отправится к Императору за отречением, даже если не получит полномочий на это. Гучкову, как автору плана по задержанию царского поезда, было уместнее всего довести заговор до конца и, так сказать, поставить точку.

Как показало дальнейшее развитие событий, к вечеру 1 марта, когда Император Николай Александрович оказался во Пскове у Рузского, мнение российского генералитета о необходимости царского отречения было уже давно сформировано. «Начиная с 1916 года, — вспоминала сестра одного из заговорщиков, Дмитрия Вяземского, княгиня Лидия Васильчикова, — во главе «информаторов» панического характера стоял Александр Иванович Гучков... У него имелись обширные связи во всей армии, и, ненавидя Государя,

он задолго до революции обрабатывал общественное мнение среди офицерства в направлении желательности и даже необходимости отречения Государя для благополучного окончания войны. Он не ограничился пропагандой среди младшего офицерства, а убеждал и старших начальников... Теперь можно с уверенностью сказать, что почти единодушный ответ командующих фронтами на вопрос Государя, следует ли ему отречься, был следствием пропаганды на фронте Александра Ивановича Гучкова».

ГЕНЕРАЛЫ ПРЕДАЛИ ЦАРЯ НИКОЛАЯ ВТОРОГО

К заговору Гучкова оказались так или иначе причастны начальник Штаба Верховного Главнокомандующего (то есть Императора Николая Александровича) генерал-адъютант Свиты Его Величества Михаил Алексеев и главнокомандующие Юго-Западным и Кавказским фронтами генерал-адъютанты Алексей Брусилов и великий князь Николай Николаевич (двоюродный дядя Царя Николая II).

«Лидером искусно и давно подготовленного заговора, — доносил из Петрограда в апреле 1917 года французский разведчик капитан де Малейс Второму Бюро Генерального Штаба Франции, — был Гучков, подержанный техническими комитетами при содействии великого князя Николая Николаевича, охотно согласившегося на проникновение таких организаций в армию. Менее открыто, но эффективно действовал генерал Алексеев по договоренности с большинством генералов, в том числе с Русским и Брусиловым, не говоря о других, также предоставивших этим комитетам возможность проведения необходимой пропаганды в частях под их командованием. Генерал Алексеев уже давно контактировал с Гучковым, втайне содействуя всем своим авторитетом в армии ходу последующих событий».

В 2.30 второго марта генерал Русский связался по телеграфу с Родзянко, их разговор продолжался до 7.30 и одновременно передавался в Ставку Алексееву. Русский сказал, что Царь решил уступить оппозиции и выпустить манифест об учреждении парламентарной монархии с правительством, ответственным перед Государственной Думой. Однако Родзянко заявил, что согласие на ответственное министерство запаздало, и высказался за отречение Царя Николая II в пользу сына — Алексея Николаевича, при котором регентом должен был стать брат Царя Михаил Александрович.

Утром второго марта Алексеев из Могилева обратился к главнокомандующим фронтами и командующим флотами — его телеграмма содержала пересказ разговора Русского с Родзянко. Сам Алексеев высказывался за отречение: «Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения».

Генерал Русский во Пскове отправился на доклад к Императору Николаю II и рассказал ему о своем ночном разговоре с Родзянко и телеграмме Алексеева. Император согласился подождать мнения своих командующих.

После 14 часов Русский получил телеграмму от Алексеева, в ко-

торой воспроизводились ответы великого князя Николая Николаевича (главнокомандующего Кавказским фронтом), генерала Брусилова (Юго-Западным) и генерала Алексея Эверта (Западным). Все высказывались за отречение. «Всепопданнейше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, — обращался генерал-адъютант Алексеев к Царю Николаю II, — умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам». По получении телеграммы Алексеева Русский направился к императорскому поезду, для подкрепления взяв с собой своего начальника штаба генерала Юрия Данилова и начальника снабжений генерала Сергея Савича.

В 14.30 в присутствии сотрудников Русского начался его второй доклад Царю Николаю II, которому генерал дал ознакомиться со сводной телеграммой Алексеева и сам высказался за отречение, будучи поддержан Даниловым и Савичем. После тягостного молчания, вспоминая Русский, Царь объявил, что, «как ему ни тяжко, но в данный момент для спасения родины, России, он решил отречься от престола в пользу своего сына. Регентом же назначает своего брата Михаила Александровича».

Причиной солидарности генерал-адъютантов Императора Николая II с Родзянко было предварительное соглашение руководителей армии и лидеров оппозиции, прежде всего — Алексеева и Гучкова. Подразумевая этот «преступный союз», бывший министр финансов Петр Барк, хорошо знавший Гучкова, писал в декабре 1922 года: «Я ни минуты не сомневался, что план убедить Государя Императора отречься был заранее разработан этими господами, и что командующие армиями, подготовленные низкой пропагандой, были готовы ко всем случайностям. Ответы этих генералов на телеграфный запрос в роковое число 2 марта были результатом долгой и тщательной подготовки».

Безвыходность положения, в которую высокопоставленные заговорщики сознательно загнали своего суверена, эмоционально изобразил главнокомандующий Румынским фронтом генерал Владимир Сахаров, чей ответ на телеграмму генерала Алексеева Русский получил чуть позже, в 14.50. Совет Родзянко об отречении Сахаров характеризовал как «преступный и возмутительный». «Горячая любовь моя к Его Величеству, — телеграфировал генерал Сахаров, — не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного Вам председателем Государственной Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся Царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка злодей, именуемая Государственная Дума, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего державного вождя, если бы не бы-ли призваны к защите родины от внешнего врага и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии». В конечном итоге генерал Сахаров, однако, тоже высказался за отречение.

Тридцатилетняя война

В XVII-ом веке Католическая Лига и Евангелическая Уния немецких князей разделили Германию на два враждебных лагеря, каждый из которых обращался за помощью иностранных держав. Католики тянули во внутреннюю борьбу Испанию и Польшу, а протестанты — Францию и целый ряд протестантских государств.

Интервенты стремились к отторжению германских территорий и господством в Балтике. К этому целилась Дания, и особенно Швеция.

Нидерландская революция явилась большим ударом для гегемонии Габсбургов в Европе. Они мечтали о создании "унифицированной" Германии под их эгидой, то есть под властью Австрийского Императора. Но из этого не вышло ничего позитивного, ибо немецкие князья остались к вопросам веры равнодушны, как и французский кардинал Ришелье, хотя он, как прелат и носил цвета пурпура, ярко красную шапочку кардинала.

Он вынашивал мысль: заменить Австрийских Габсбургов в Европе и на их место поставить нового гегемона — Францию. Вскольз заметим, что Тридцатилетняя война делится на четыре периода: Богемский, Датский, Шведский и Французский.

Начался экономический кризис, который привёл к Тридцатилетней войне ещё в Чехии, но испанским Габсбургам удалось этот пожар потушить. Немцы ненавидели чехов и Францию, что и видно из дипломатии во время Второй Мировой войны. Немцы обвиняли чехов: как тогда, так и сегодня, что они стремятся подорвать их торговлю в Европе. А Францию обвиняли, что она захватила после окончания Первой Мировой войны Эльзас и Лотарингию. Но произошел конфуз, ибо жители этих стран стремились к самостоятельности.

Самым опасным врагом России был польский король Сигизмунд III: он женился в 1592 году на эрцгерцогине Анне, а после её смерти на её сестре Констанции. Обе польские королевы были сёстрами Фердинанда Штирийского, ярого католика, который в 1619 году стал императором Священной Римской

Империи Германской Нации и главой католической реакции, — из дома австрийских Габсбургов.

Москва не хотела стать, подобно Литве, привеском к сильной Польше, а Тридцатилетняя война указала на соотношение сил в Европе: политическое ничтожество Германии, упадок Испании и гегемонию Франции.

Лишь только две страны получили после Вестфальского мира в 1648 году самостоятельность, — это Голландия и Швейцария. А ещё одно государство получило временную автономию от Испании, — Португалия.

В Праге произошли волнения и беспорядки, которые вскоре перекинулись и в Богемию. Чехи не хотели допустить чтобы Фердинанд II, ярый католик, после смерти Императора Матиаса стал бы его наследником, ибо тогда чехи потеряют много свобод, как личного, так и государственного порядка.

Тут произошёл интересный случай когда два эмиссара, посланные Фердинандом II-м (Штирийским), в буквальном смысле слова, из разбитого окна летели вниз кубарем и хлюпнулись в жидкую грязь, что их и спасло. Так и началась Богемская революция в 1618 году приведшая к Тридцатилетней войне.

Тогда чехи выбрали королем пфальц-графа Рейнского Фридриха V-го, (*пфальцграф* представлял в герцогствах интересы императора), но Фридрих был разбит при Белой Горе в 1620 году и скрылся.

У Фердинанда II-го полководцами были Валленштейн и Тилли известные генералы той эпохи.

На помощь протестантам явился шведский король Густав-Адольф, который был вскоре убит в сражении под Люцеком в 1632 году, а сам Валленштейн пал жертвой заговора в 1634 году, к которому не чужд был и сам император, боявшийся его популярности и мнимой славы. Под знамена Валленштейна оставалась всякая не-людь в лице «ландкнехтов», то есть самый криминальный элемент, подобранный со всей Германии.

Граф А. Коновницын

ЦЕРКОВЬ НА УКРАИНЕ

Выбирать куда идти, между УПЦ (Украинская Православная Церковь) и ПЦУ (Православная Церковь Украины), ничего привлекательного не представляет. Однако политика президента Украины Зеленского упрощает этот выбор для населения, ибо усиленно работает над тем, чтобы этот вопрос не ставился, так как его не скрываема цель насильно объединить всех православных в одной только ПЦУ, а это уж, думаем, совсем мало кому улыбается. И всем должно быть понятным почему.

ПЦУ — подлинное лицо Константинопольского Патриархата. Напомним, что ещё (или уже!) в 1923 году, один из предшественников вл. Варфоломея, нечестивый Мелетий Метаксакис, и за ним Григорий VII, открыли путь беззаконным вторжениям в жизнь Русской Церкви, отвергнув законного Святого Патриарха Тихона и признав безобразных обновленческих раскольников законными представителями Русской Церкви. Ничего нового под солнцем не бывает.

Мы не против того, чтобы считать ПЦУ обновленческим выкидышем Стамбульской Патриархии. Однако, говорить о ПЦУ, как о бутафорном образовании мне кажется скорее оправдано, если понимать под этим прилагательным: поддельный, фальшивый, словом - дешёвка.

А насчёт языка, то сегодняшняя «украинская мова» явный новояз, изобретённый в начале XX века Грушевским и другими, — не является историческим малороссийским языком, который был более или менее понятен для каждого русского человека, в отличие от сегодняшнего языка, изобретённого именно с целью увеличения расхождения с русским языком.

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый